
*Вопросы филологии***КОСМОС РУССКОГО ДУХА
В МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ Э. В. БАЛАШОВА***Н. Д. Блудилина**И смертный может видеть за время своё,
Простор ему боги кажут...**Ф. Гёльдерлин «Руссо»*

Великий философ XX в. Мартин Хайдеггер во введении к своей книге «Что такое метафизика» поэтически-философски вопрошал: «...в какой почве находят свою опору корни дерева философии? Из какой основы получают эти корни и через них всё дерево питательные соки и силы? Какой стихией оплетены потаённые в основе и почве, несущие и питающие корни дерева? В чём покоится и движется метафизика? Что есть метафизика, глядя в её основания? Что вообще такое метафизика в своей основе?»¹

В своих философских трудах Хайдеггер не раз обращался для подтверждения своих высоких умозаключений к поэзии Ф. Гёльдерлина, Р. М. Рильке, Ш. Георге, ибо он был убеждён и утверждал, что подлинная трансценденция является в поэзии избранных певцов (для него это указанные выше), призванных «петь в скудный наш век», «время мира», определённого «зиянием бога», ибо для него, философа, «поэты — те из смертных, что <...> чувствуют след ушедших богов, идут по их следу и так прокладывают остальным смертным путь к обращению»².

Правомочно «вопрошание» немецкого философа о почве, корнях «древа философии» соотнести с метафизической поэзией нашего современного выдающегося поэта-любомудра Э. В. Балашова³, на просторах которой дано глубинное понимание космоса русского духа, его почва, корни и древо. Представим высокий диалог немецкой философии и русской поэзии в едином духовном пространстве и времени, хотя и будет линейно звучать переключка голосов из века XX в XXI.

Как путеводная нить Ариадны, это «приведение в движение метафизики»⁴ поможет нам найти верный путь в сложном поэтическом лабиринте, разрешить настоятельные вопросы нашего литературоведческого анализа: в какой «почве» находят свою опору «корни дерева» метафизической поэзии Балашова? Из какой основы получают эти «корни» и через них всё «дерево» питательные соки и силы? Какой стихией оплетены потаённые в основе и почве, несущие и питающие «корни дерева»? В чём покоится и движется его метафизическая поэзия? Что есть метафизическая поэзия, глядя в её основания? Что вообще такое метафизическая поэзия в своей основе?

Обратимся к основе. Философия есть грамматика истинной поэзии, метафизика — корень дерева философии, значит, лежит и в основании поэзии.

По Хайдеггеру, метафизика мыслит сущее как сущее, в поле её зрения стоит сущее как таковое. Метафизическое представление обязано этим зрением свету бытия⁵.

Поэтический взор Балашова также обращён к сущему, и его поэтическое зрение открывает свет бытия:

Свободный ветер света
Из солнечной страны.
В широком шуме ветра
Зелёный шум весны.

Трава, деревья, люди,
Надежды и мечты —
И всё о том: что будет?
И всё о том: кто ты?

Кто ты? — ликуют ветки.
Кто ты? — поют цветы.
В широком шуме ветра:
Кто ты? Кто ты? Кто ты?⁶

В своём самопознании «поэт — вопрошающий вечность ребёнок», его явление на свет «занесено солнечным пером», он является в мир и как проводник высших энергий природы, и как её «космическая мысль», вечный логос истины бытия:

Все произнесённые слова
Всё ещё звучат.
Шелестит былинная трава.
Дом скрипит у врат.
Светят первобытные костры
В пролетевшей тьме.
Все неизречённые миры
Говорят во мне.

Вот и я на свет произнесён
Матерью-Отцом.
В книгу Бытия был занесён
Солнечным пером.
А когда настал молчанья срок,
Одолея тлен
И пронёсся тенью между строк
Книги перемен.

Все неизречённые миры
Говорят во мне.
Светят первобытные костры
В пролетевшей тьме.
Шелестит былинная трава.
Дом скрипит у врат.
Все произнесённые слова
Всё ещё звучат⁷.

Метафизика, по слову Канта в «Критике чистого разума», принадлежит к природе человека, и так же утверждает русский поэт Балашов: «Человек не царь природы, а проводник высших её энергий, её космическая мысль, её вдохновитель и всё же её неотъемлемая часть. Одухотворяя природу и одухотворяясь свыше, общаясь с неведомым и невидимым вдохновителем, совершенствуется человек»⁸.

Хайдеггер писал, что «свет, т. е. то, что воспринимается этой мыслью как свет, сам уже не входит в поле зрения этой мысли, ибо она представляет сущее постоянно и исключительно в аспекте сущего»⁹. В этом же «аспекте» парит и метафизическая мысль поэта, «соперничая» с философией: «Тыловишь мысль, и мысль твоёвниманье ловит, // Поймавший мысль, ты мысли этой пленник»¹⁰. Он также вопрошает и об аспекте сущего, и о создателе света:

Кто увёл цветы из сада?
Кто им распахнул калитку?
Ты ль, невидимо смотрящий?

Кто увёл зверей из леса?
Кто им отворил тропинку?
Ты ль, безмолвно говорящий?

Кто увёл людей из ночи?
Кто вручил сердцам их очи?
Ты ли, свет руководящий?
«Кто?»¹¹

Этот таинственный «создатель света» в других стихах Балашова является читателю достаточно прояснённым, ибо он и даёт подлинную зоркость в постижении истины бытия поэтическому зрению, обзревающему сущее:

Кто учил деревья к свету вырастать?
Как умеют травы к небесам тянуться?
Мощь нашёл подсолнух
за солнцем не устать.
Неужели нам от тьмы не отвернуться?

Жертвенная чаша ищет новых уст.
Мир припал к реке, текущей в сон былого.
Не иссяк источник, но любовью пуст
Человек, уставший на пороге Слова.

Кто готов свои отринуть имена?
«Прочь! — вопят. — В огне мы
 не отыщем броду!»
В каждом сердце — крест,
 и все мы — пламенá,
Божью напоившие природу.
 «Пламенá»¹²

Как только ни брались истолковывать сущее в истории философии: как дух (спиритуализм), как материю (материализм), как становление и жизнь (экзистенциализм), как волю и представление (Шопенгауэр), как субстанцию, как субъект и т.д. Поэт подлинно чувствует сущее и передаёт в стихах как энергию («пламенá»), как вечное возвращение того же. Всякий раз сущее как сущее является в его поэзии в *свете* подлинности бытия: «Надо мною небо, // Полное огня» («Нелепо»¹³); вопреки внешним брутальным «личинам» («Боже, как нелепо: // Травля и грызня!»¹⁴) и поверхности жизни, и грешного, ибо земного, человека:

Мерцает свет на каждом дне,
На каждом часе сострадания.
Барахтаюсь на самом дне
Великой чаши мироздания.

Я сплю. В агонии. В огне.
И Божья кровь болит во мне
И мучит жаждой покаянья.
«Мерцающий свет»¹⁵

Повсюду, когда метафизика представляет сущее, утверждал Хайдеггер, бытие уже высветилось: «Бытие в некой непотаённости пришло. Приносит ли бытие, как оно с собой приносит такую непотаённость, открывает ли, как Оно открывает себя в метафизике и в качестве метафизики, остаётся скрытым. Бытие в своём высвечивающем существе, т. е. в своей истине, не продумывается»¹⁶. Но метафизическая поэзия Балашова в своих ответах на этот вопрос о «сущем как таковом» отважно говорит из «не замеченной» философией открытости бытия:

Прийти на эту землю.
Закутаться во тьму.

Но к часу тьму отринуть,
И в мысль, и в чувство впасть,

...

Явиться, удивиться,
Как свет узревший, крот:
Куда-то чувство длится,
Куда-то мысль течёт!

И на стезях искусства
Понять, что даль и высь —
Одно Господне чувство,
Одна Господня мысль!
«Господня мысль»¹⁷

Эту открытую поэтом истину бытия можно называть подлинной почвой, на которой держится поэтическая метафизика как корень дерева философии (грамматики поэзии), из которой она питается. (Вспомним слова Хайдеггера: «Дерево философии вырастает из корневой почвы метафизики»¹⁸.)

Поэтическая метафизика Балашова всегда в своей основе остаётся «при сущем», и, как «корень дерева», она посылает все соки и силы в ствол и ветви его поэзии, где в образах «исследуется» сущее как сущее, в форме стихов она «обращается» в разные лики многосложного, но единого в своей сути бытия. Так её «корень» разветвляется в основе и почве, чтобы «дерево» ради своего роста могло из него подняться и тем самым как бы его оставить. Эта поэтическая «непотаённость» бытия, до которой должен дорасти «философствующий» разум, гениально проста для «сердечного» ока поэта, болящего за мир:

Всё просто. Бог во всём.
Не магия чудес —
А сотканным трудом
Невиданный венец.

Минуя чёрный ход
Над сном могильных плит,
Пусть разум дорастёт,
Пусть сердце доболит
До огненных высот,
До пламенных молитв.

Среди кромешных гроз
Сверкает: «Аз воздам!»
Всё просто. И Христос
Мыл ноги рыбакам.
«Аз воздам»¹⁹

Вот и нашлась искомая нами подлинная стихия («основа и почва»), в которой живёт «корень дерева» — поэтическая метафизика, которая является как землетрясение, гром грозы, пылающая лава и другими разными ипостасями стихии бытия:

Во мне земля трясётся.
Гроза во мне гремит.
Мой дух веленьем солнца
Возносится в зенит.

В страдании великом
И в радостном огне
Господь, сверкая ликом,
Во мне идёт ко мне.

По радуге экстаза,
По непокою туч
Всевидающего часа
Во мне гуляет луч.

Пылит во мне дорога
Пылающей золой.
И сердце видит Бога,
Кипящего землёй.

Серебряная лава
Казнить меня течёт.
Божественная слава
Мой ослепляет рот.
«Слава»²⁰

В этих стихах явлен космос русского духа, его сущностные начала: почва, корни, древо. Стихия «почвы» тоже не есть стихия без того, чтобы её не оплетал и «корень» («Господь, сверкая ликом, // Во мне идёт ко мне»). Но и тогда, когда «корень» по-своему отдаётся стихии «почвы», он всё равно ещё принадлежит «дереву» («И сердце видит Бога, // Кипящего землёй»). Он растрчивает её стихию и сам себя на это последнее («Серебряная лава // Казнить меня течёт»). Его существом было лишь прорасти навстречу этой стихии и в ней расширяться («Мой дух веленьем солнца // Возносится в зенит»).

Встаёт другой важный вопрос: с возрастанiem «дерево» в состоянии ли так вобрать в себя «корневую почву», чтобы она, как нечто «древесное», исчезла в нём? Хайдеггер отвечает: «...никогда не в состоянии... Скорее наоборот, корни вплоть до мельчайших волокон теряются в почве. Почва есть основа для корня; в ней он забы-

вает себя и пользу дерева»²¹. Послушаем, что скажет русский поэт, который понимает «возрастание дерева» как путь во времени и бытии: «Настоящее — не итог, а виток спирали, возвращение к началу, сделавшему шаг к себе навстречу, не оглядка на минувшее, а движение по ступеням, когда пройденное не остаётся брошенным позади, а берётся с собой. Это и есть твоё имущество, есть ты, всякий раз иной, себя себе открывающий, обретающий себя в пути... Все пути ведут к единой вершине, к единому непроизносимому Слову. Но слово в нас разобщено, разделено нашими мнениями и сомнениями, от которых мы не спешим избавиться и которые боимся потерять. А что внутри, то и снаружи»²². От непришествия или неявления истины бытия (Бога) в сознании людей почва корня сущего «тонет», а древо порублено:

И сказали: нету Бога.
 Развратились — вкривь и вкось.
 От порога до порока —
 Вся дорога на авось.
 А с небес призрело око:
 Не начать ли всё с азов?
 Нет ли ищущего Бога
 Средь порубленных лесов?
 Средь затопленных водами
 Небом вскормленных лугов?
 Средь запуганных ворами
 Прокажённых городов?
 Вон один — бредёт по лесу,
 По беспомощным водам,
 По калёному железу,
 По кладбищам-городам.
 Он несёт в своей деснице
 Книгу — Истины залог,
 Отворённой на странице:
 «Азь есмь Сын» и «Азь есмь Бог».
 «Один»²³

Один из знаменитых парадоксов Хайдеггера является читателю, когда в разворачивании вопроса об истине бытия говорится: «Метафизика остаётся Первым философии. Первого мысли она не достигает. Метафизика в мысли об истине бытия преодолена. Претензия метафизики овладеть ведущим отношением к “бытию” и законодательно определить всякое отношение к сущему как таковому рушится. <...> отношение бытия к человеку из самого существа этого отношения явило свет, который приведёт человека к принадлежности бытию. <...> Между тем от метафизики на протяжении её истории от Анаксимандра до Ницше истина бытия остаётся скрытой. Почему метафизика не думает о ней?»²⁴

Далее философ утверждает, что метафизика — «двояко-единым образом истина сущего в его всеобщем и в его высшем», поэтому по своему существу одновременно онтология в более тесном смысле и теология: «Это онто-теологическое существо собственно философии <...> основано на том способе, каким для неё выходит к открытости сущее... теологический характер онтологии... сущее как сущее вышло из потаённости...»²⁵. Немецкий гений мысли, остановленный в её беге иррациональной тайной жизни, вопрошает: «Что всё-таки загадочнее, то, что сущее есть, или то, что бытие есть? Или и через осмысление этого мы тоже ещё не достигаем близости к загадке, какою стало событие бытия сущего?»²⁶, с самоиронией ранее вспоминает первое послание апостола Павла к Коринфянам: «Бог не заставил стать глупостью мудрость мира?» (1 Кор. 1: 20).

Мысль сердца русского поэта Балашова об истине бытия русского космоса, «образно» вскапывает землю у сохнувшего метафизического основания «корня» философии и разрыхляет почву её «корню» и дереву, дабы оросить и оплодотворить его живыми соками жизни (без них и при «зиянии Бога» дерево теории философии засыхает и опрокидывается в Ничто), чтобы поэтическое древо мысли о сущем вечно зеленело, «омываемое сияньем», в новых рождениях:

Господи, вот она — эта планета!
Ты ей небесную дверь отворил.
Ты на Голгофе улыбкою света
Толпы распявших Тебя усмирил.

Неутихающим ветром страданья
Все безглагольные земли объял.
И обещаьем второго свиданья
«Мёртвым во гробе живот даровал».

И на просторы российского полдня
Вновь путеводная вышла звезда —
Непреходящая слава Господня,
Незаходящее имя Христа.

«Имя Христа»²⁷

Диалог «сумрачного немецкого гения» и русского жаждущего духа в истории русской культуры всегда был значим, и уже третье столетие он длится во времени и бытии, его причудливые пути в вечном поиске ведут к одной горней высоте единого неизреченного Слова:

Светом залита дорога.
Всюду свет, и свет, и свет.
— Господи, Ты где?
... Далёко,
Где ни тьмы, ни света нет!²⁸

-
- ¹ Хайдеггер М. Введение к «Что такое метафизика» // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 27.
- ² Хайдеггер М. Петь — для чего? // *Рильке Р. М. Прикосновение: Сонеты к Орфею: Из поздних стихотворений*. М.: Текст, 2003. С. 181–182.
- ³ Балашов Эдуард Владимирович (род. 25 июня 1938 г.) — известный русский поэт, профессор Литературного института им. А. М. Горького. Автор многих поэтических книг, из них: *Око: Миниатюры*. М.: Сов. писатель, 1992. 320 с.; *Ноша*. М.: ИНФРА-М, 1996. 224 с.; *Пловец*. М.: МГО СП России, 1997. 159 с.; *Цветы сновидений*. М., 2006; *Алатырь*. М.: Молодая гвардия, 2011. Лауреат многих литературных премий.
- ⁴ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 26.
- ⁵ Хайдеггер М. Введение к «Что такое метафизика». С. 27.
- ⁶ Балашов Э. В. Алатырь. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 12.
- ⁷ Там же. С. 6, 11.
- ⁸ Там же. С. 6.
- ⁹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 27.
- ¹⁰ Балашов Э. В. Алатырь. С. 6.
- ¹¹ Там же. С. 44.
- ¹² Там же. С. 46.
- ¹³ Там же. С. 94.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 98.
- ¹⁶ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 27.
- ¹⁷ Балашов Э. В. Алатырь. С. 51.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 27.
- ¹⁹ Балашов Э. В. Алатырь. С. 87.
- ²⁰ Там же. С. 86.
- ²¹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 28.
- ²² Балашов Э. В. Алатырь. С. 5.
- ²³ Там же. С. 84.
- ²⁴ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 28, 29.
- ²⁵ Там же. С. 34, 36.
- ²⁶ Там же. С. 36.
- ²⁷ Балашов Э. В. Алатырь. С. 91.
- ²⁸ Там же. С. 92.